

Полевое исследование языка: свидетельство информанта

1. Введение¹. Лингвистическое полевое исследование по определению предполагает: исследователь непосредственно соприкасается с тем, как язык функционирует в жизни, и/или эмпирически проверяет то, как язык теоретически может функционировать. При этом задача исследователя – не обучение языку, а его изучение (это, между прочим, как правило, не осознают те, кто не соприкасается с полевой работой). Основными – хотя и не единственными – методами изучения языка в полевых условиях оказываются, во-первых, анализ собираемых текстов и, во-вторых, элицитация – тесное взаимодействие исследователя с информантом, носителем языка, связанное с переводом отдельных слов, словосочетаний или предложений на изучаемый язык (для фонетистов – с их произнесением) или, наоборот, с оценкой правильности или неправильности уже имеющихся языковых выражений.

У обоих источников данных есть свои недостатки. «Живые тексты» (речь прежде всего об устных текстах) иногда содержат построения, воспринимаемые самими носителями языка как речевые ошибки: хотя ныне общепризнанно, что такие ошибки представляют научный интерес и могут немало рассказать о структуре языка и его использовании, несомненно и то, что они должны отмечаться как существенные отклонения от нормы. Элицитация в свою очередь нередко касается конструкторов, вероятность появления которых в спонтанной речи, по-видимому, не так уж велика, в связи с чем ее противники нередко укоряют этот метод в искусственности. Впрочем, как анализ текстов, так и элицитация обладают и несомненными достоинствами. Анализ текстов – помимо общих плюсов корпусных исследований вроде возможности статистических выводов – позволяет увидеть конструкции, о существовании которых исследователь попросту не догадался бы в силу наличия множества исходных допущений об устройстве языка. Элицитация же остается принципиальной возможностью выявить существующие в языке запреты.

Помимо этих методов, разумеется, существуют и другие. Прежде всего, это методы, связанные со сложными экспериментами, в отношении которых принято специально оговаривать условия их проведения и пытаться сводить на нет возможные «шумы», дополнительные факторы, способные повлиять на их результат. Сколько бы тонким, однако, этот результат не казался, думается, что простой перевод на родной язык по сути не менее тонок и в отно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (проект № А-23).

шении него точно так же важно определить факторы, приводящие к искажению искомой картины.

Обсуждение полевых методов в литературе велось, как правило, с точки зрения исследователя². Конечно, интересы носителей языка не оставались неучтенными (например, существует значительное количество обсуждаемых в литературе этических требований к полевой работе). Но взгляд информанта, восприятие работы участвующим в ней носителем языка чаще всего остаются за пределами рассмотрения полевых методов. Этот текст, напротив, – попытка зафиксировать некоторые наблюдения, связанные с восприятием информанта. Некоторые из описываемых фактов вполне известны; тем не менее интересно уже то, что они вполне осознаются обеими сторонами полевой работы.

Авторы этих заметок участвовали во множестве адыгейских экспедиций РГГУ: З.Б. Меретукова – как информант³, Ю.А. Ландер – как исследователь. Настоящий текст «вырос» из ответов одного автора на вопросы другого касательно восприятия элицитации.

2. Построение примеров. Построение примеров носителем изучаемого языка (в нашем случае – носителем адыгейского языка) происходит в ответ на некоторый стимул на языке-посреднике (в нашем случае – русского). При этом информант может сознательно совершать корректировку перевода сразу нескольких типов.

Во-первых, носитель может намеренно выстраивать ответ так, чтобы он в большей степени соответствовал его представлениям о «правильном языке», возможно, отмечая тем самым нестандартные варианты. Другими словами, информант осознанно предпочитает работать лишь с некоторым языковым идеалом или по крайней мере приближением к нему.

Во-вторых, перевод строится во многом «в угоду» исследователю. Безусловно, информант пытается помочь исследователю и – отчасти в соответствии с этой установкой – стремится вычлнить собственно объект внимания исследователя, скрывааемый за массой обсуждаемого материала. В результате возникает ситуация, когда информант выстраивает перевод так, чтобы он подпадал под изучаемый (по его мнению) круг явлений. Существенно, что такая стратегия перевода может противоречить даже желанию создать нормативное высказывание: порою результат перевода теоретически допустим, но не соответствует схемам, реально используемым в языке.

² Работы, включающие обсуждение проблем полевых исследований включают, например, [Кибрик 1072; Crowley 2007; Chelliah, De Reuse 2011; Thieberger (ed.) 2012].

³ Следует отметить, что З.Б. Меретукова также преподает адыгейский язык русскоязычным детям, что, вероятно, могло в какой-то степени повлиять на ее восприятие работы.

Подчеркнем, что это не означает, что информант при переводе на родной язык осуществляет грамматический анализ конструкции (в отличие от того, что происходит при обратном переводе). Так же не учитывает информант и опасность влияния на перевод стимула – структуры, принадлежащей языку-посреднику (например, возможности калькирования порядка слов стимула).

3. Оценка построенных примеров. Носитель, безусловно, осознает разницу между примерами типа «так обычно не говорят» и примерами типа «так сказать невозможно». Второй тип, как правило, указывает на абсолютную неграмматичность, хотя в отдельных случаях невозможность все же, вероятно, проистекает из особой сложности примера. Но особый интерес представляет восприятие информантом примеров первого типа.

Существенно, что примеры, относимые к типу «так обычно не говорят» часто жаждут оправдания. При оценке предъявляемых конструкторов информант намного более склонен к их анализу, чем при переводе с языка-посредника на родной язык. Носитель языка может попытаться сам достроить специфический контекст для данной конструкции (достраивание контекста возможно и исследователем, хотя это уже представляет собой определенное давление на информанта). При невозможности достроить контекст оцениваемый пример может оцениваться как неграмматичный, но тот же эффект, по-видимому, встречается и при нежелании достроить контекст – когда планка требования близости к «обычной речи» или «правильной речи» оказывается слишком высока.

Другое возможное оправдание примера, не относящегося ни к категории безусловно неприемлемых, ни к категории безусловно приемлемых, связано со значительной вариативностью, наблюдаемой в языковом сообществе – в нашем случае, обусловленном допустимым взаимодействием разных адыгейских диалектов на уровне семей. Благодаря осознанию такой вариативности неупотребимость конструктора в собственной речи в сочетании с (кажущейся?) теоретической допустимостью его иногда списывается на вероятность его появления в речи других. Подчеркнем, что мы не склонны считать это «автоматической характеристикой» примера как недопустимого или сомнительного.

Наконец, сомнительность примеров может иметь семантические обоснования, причем такие примеры все же оцениваются носителем как грамматически правильные (и в некоторых случаях, можно думать, ведут к попыткам поиска возможного контекста). Например, адыгейское предложение с переходным вариантом глагола ‘читать’ *jure mə txələ-r j-e-ž’ə* [Юра этот книга-ABS 3SG.A-DYN-читать:TR] (буквально ‘Юра прочитывает книгу’) может

получить комментарий «это очень даже возможно, но так не говорят»⁴ в силу наличия в адыгейском языке немаркированной с точки зрения глагольной семантики аналогичной конструкции с непереходным вариантом глагола ‘читать’ *jure mə txələ-m j-e-ž’e* [Юра этот книга-OBL DAT-DYN-читать:INTR] ‘Юра читает эту книгу’.

Особо следует упомянуть нередко возникающую ситуацию, когда построенный пример получает интерпретацию, неожиданную для исследователя. Естественно, причиной этого может стать просто неправильно построенный пример, перепутанное слово (в известной нам практике имелся случай, когда были спутаны слова *tha* ‘Бог’ и *ha* ‘собака’, – воистину провокация для носителя). Помимо этого неожиданная интерпретация иногда проистекает из незнания исследователем идиоматики или особых прагматических эффектов. Например, построение разных грамматических форм от адыгейского корня *məst*, по сути представляющего филлер, элемент, заполняющий части предложения при речевом затруднении и способный принимать практически любую морфологию (см. об этом явлении, например, [Подлеская 2006]), приводит к образованиям, которые носителями адыгейского языка воспринимаются как эвфемизмы. Примечательно, что такие ситуации требуют активных комментариев информанта, которые в других контекстах часто избегаются.

4. Языковая рефлексия. Элицитационная работа приводит к тому, что носители пытаются осмыслить те или иные языковые явления: сравнение разных грамматических конструкторов при элицитации проводится не только исследователем, но и информантом. С одной стороны, носитель нередко пытается самостоятельно – на основе обсуждаемых примеров – сформулировать определенные грамматические правила, на деле не всегда работающие. С другой стороны, происходит усложнение образа грамматики, имеющегося у носителя, появление у него идеи исключений из правил и нерегулярности некоторых явлений. При этом подчеркнем, что во многих случаях эти «нерегулярности» могут в действительности описываться вполне регулярными правилами, которые, однако, не учитываются «школьной грамматикой», известной носителям.

5. Некоторые выводы. Приведенные наблюдения показывают, что при взаимодействии исследователя и информанта, возникающем при элицитации

⁴ Любопытно, что совершенно аналогичный пример *č’ale-m txələ-r j-e-ž’a* [парень-OBL книга-ABS 3SG.A-DYN-читать:TR] с переводом ‘Мальчик книгу прочитывает’ приводится в статье [Яковлев 1946: 141]. В этом случае остается неясным, какое именно возможное употребление словоформы *прочитывает* (из весьма нестандартного инвентаря употреблений) подразумевал Н. Ф. Яковлев, если какое-либо речевое употребление здесь имелось в виду вообще.

тационной работе, как правило, появляется презумпция правильности оценки и построений исследователя, которая подталкивает носителя изучаемого языка к самокоррекции как при переводе с языка-посредника на родной язык, так и при оценке уже построенных предложений. В связи с этим заметим в скобках, что в последнем случае исследователь сам вынужден оценивать оценку носителя; иногда, завидев сомнения информанта, исследователь отмечает высказывание как недопустимое, в то время как его реальный статус, как мы видели выше, может зависеть от множества разных факторов. В большинстве случаев при элицитации исследователь «агрессивен», а информант вынужден ему «подыгрывать» – пока такая игра не приходит в прямое противоречие с фактами языка. В этом смысле взаимодействие исследователя и носителя и не может представлять собой абсолютное понимание намерений и оценок друг друга.

Весьма примечательна во многих отношениях асимметрия между переводом стимула на языке-посреднике на родной язык и оценкой носителем уже построенных примеров. Оценка носителем примеров – в каком-то смысле для языка чужих – требует от него их анализа с точки зрения формы и содержания, что делает упомянутое выше «подыгрывание» в большей степени осмысленным, но и зависимым непосредственно от процесса элицитации.

В заключение подчеркнем, что образ информанта, представленный выше, наверняка не универсален. Однако и он, вероятно, должен заставить исследователя задуматься о более точной формулировке условий, при которых проходит элицитация, и об оценке получаемых результатов.

Литература

- Подлесская В.И.* О грамматикализации и «прагматизации» маркеров речевого затруднения: феномен препаративной подстановки // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб.: Нестор-История, 2006, с. 189-210.
- Кибрик А.Е.* Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд. МГУ, 1972.
- Яковлев Н.Ф.* Древние языковые связи Европы, Азии и Америки // Известия АН СССР, отд. литературы и языка. Т. V, вып. 2, 1946, с. 141–148.
- Chelliah S.L., De Reuse W.J.* Handbook of Descriptive Linguistic Fieldwork. Dordrecht etc.: Springer, 2011.
- Crowley T.* Field Linguistics: A Beginner's Guide. Oxford etc.: OUP, 2007.
- Thieberger N.* (ed.) The Oxford Handbook of Linguistic Fieldwork. Oxford etc.: OUP, 2012.